

Произошедшее в жизни событие настолько выбило из колеи, что я закурил. Терпеть не могу курево! Совершенно ненужная привычка. Ни уму, ни сердцу. От нее только сердцебиение, одышка, давление, плохой сон. Каждый раз, перед тем как покурить, думаешь: сейчас выйду на балкон, закурю, буду пускать дым и наслаждаться. Спыхватываешься, когда сигарета уже догорела до фильтра. Вот черт, так и не насладился! Опять думал о какой-то ерунде! Остался лишь противный вкус во рту. И колотящееся, словно после длительной пробежки, сердце.

Мои коллеги, люди некурящие, разрешали курить в кабинете. Совесть не позволяла травить вонючим приторным дымом ни в чем не повинных людей, поэтому я выходил на крыльцо и там втягивал в себя продукт тления картофельной ботвы, пропитанной никотином и отдушками, ибо настоящего табака давным-давно в сигареты не

кладут. Вместе со мной выходила курить Наталья Анатольевна, технолог, комната которой располагалась рядом с нашей. Она заглядывала в кабинет и кивком спрашивала: пойдём? Если не было срочной работы, я брал сигареты и спускался вниз.

Июль закончился, наступил август. Природа решила взять реванш за холодный дождливый июль: стояла страшная, невиданная в последний летний месяц жара. Голубое небо выцвело, полиняло, стало пустым и далеким. Даже самолеты, разрезающие небесную лазурь инверсионными следами, перестали летать над станцией, словно опасались, что их засосет в бездонную голубизну. Стояла тишь, ветер спасался от жары, спрятавшись где-то высоко в горах. Улицы вымерли, не видно было даже бродячих собак — постоянных наблюдателей реальности.

Я человек метеозависимый. Жару переношу плохо. Хочется встать под холодный душ и не

выходить оттуда. На соматическом плане жара не сказывается, разве что приходится чаще мыться, но душевное состояние тяжелое. Хотя солнце люблю. Сильно чувствую магнитные бури, полнолуния и высокое атмосферное давление. Раньше такого не было, видать, подкралась старость со своими причудами. Внезапно, как всегда бывает. Жил человек, не тужил, а тут на тебе — метеозависимость. В качестве поощрения за ударно прожитую жизнь.

В жару со мной случается нечто напоминающее амок. Мозги будто поджариваются на сковородке. Веселые черти с белозубыми голливудскими улыбками, готовящие это пикантное блюдо, добавляют по вкусу перец и соль, переворачивают их деревянной лопаточкой, чтобы не пригорели. Я становлюсь раздражительным, вскипаю по пустякам. Будто в меня вселяется другой человек. Совсем как в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда». Я могу контро-

лироваться себя, но только до определенного, к сожалению, не известного мне момента. И если количество деструктурирующих факторов превышает значение, которое могу выдержать, наступает взрыв — срабатывает предохранительный клапан, выпускающий накопившийся негатив наружу. Сильные, крепкие, психически устойчивые мужчины и то пугаются до дрожи в коленах, когда я выхожу из себя.

К счастью, это случается только в жару.

Тем не менее вспышки гнева причинили столь много неприятностей, что с ними необходимо было покончить раз и навсегда.

На территории станции деревья не росли: один из начальников, стабильно меняющихся каждые два года, посчитал, что, кроме газонов и низеньких кустарников, на техническом объекте зелени быть не должно, и отдал распоряжение спилить все деревья. Поэтому нам с Натальей Анатольевной приходилось прятаться от солнца в тени высокого забора, окружавшего станцию по периметру: она была режимным объектом. Я быстро выкуривал сигарету; Наталья Анатольевна предпочитала самые легкие сигареты с бесчисленными отверстиями на фильтре для присоса воздуха, поэтому, чтобы ввести в организм привычную дозу яда, прикуривала от окурка первой вторую. Пока проходил ритуал, мы разговаривали обо всякой всячине, от погоды до котировок валют.

Однажды Наталья Анатольевна заинтересовалась, почему я закурил. Я ответил: нелады в жизни. Она понимающе кивнула головой.

— То-то смотрю: вы как в воду опущенный ходите, — сказала она.

Я пожал плечами.

— Все наладится, — сказала она и перекинула окурков через забор.

Через пару недель мы снова стояли в тени и курили.

— Вижу, вам не становится лучше, — молвила Наталья Анатольевна и против обыкновения заглянула в глаза.

— Не становится, — равнодушно подтвердил я.

Наталья Анатольевна была человеком деликатным. Возможно, причиной было хорошее воспитание, возможно, гены, ибо Наталья Анатольевна была дворянкой по отцовской линии. Она не могла равнодушно смотреть, как ее коллегу грызет внутренний зверь, ей обязательно нужно было помочь.

— Вы знаете, Анатолий, — начала она, — несколько лет назад у меня в жизни возникла такая же ситуация. Я тоже мучилась, места себе не находила, пока подруга не посоветовала съездить на Алтай, к шаману.

Она замолчала.

— И как? — вежливо поинтересовался я. — Помогло?

Она кивнула.

Астрологи, нумерологи, шаманы — вся эта братия, оперирующая понятиями, проявления которых невозможно зарегистрировать физическими методами измерений, была для меня бандой мошенников, зарабатывающих на сладкую жизнь при помощи хорошо подвешенного языка.

Я сказал об этом Наталье Анатольевне.

— Возможно, — сказала она, — что это так. Но вам ведь никто не мешает проверить? Сделаете выводы на основе собственных наблюдений, а не с чужих слов. Вы же знаете: критерий истины — эксперимент. Что вы теряете? Сеанс стоит тысячу рублей, не

такие уж большие деньги. Поедете на Алтай, отдохнете. К тому же перемена места — лучший отдых.

Я немного подумал и согласился. Действительно, что я теряю? Хуже, чем есть, уже не будет. А так хоть развеюсь. Может, ощушу эффект плацебо. Да и бывать на Алтае люблю. Буду каждый день ходить в горы. Лекарственных трав соберу. И от людей отдохну.

Наталья Анатольевна спросила, звонить ли шаману. Я ответил, что пока не стоит: сначала надо решить вопрос с отпуском. Нынешний начальник станции был откровенным самодуром, считавшим, что работники станции — его крепостные, которыми он волен распоряжаться по своему усмотрению, вплоть до смертной казни через увольнение, и мог завернуть записку об отпуске. Разумеется, можно взять отпуск без содержания, но тогда на какие средства ехать?

На удивление, начальник подписал записку сразу и без единого звука. Правда, он перенес начало отпуска на неделю позже, пояснив, что на осенний остановочный ремонт выйдут все, даже те, кто находится в отпуске, ибо готовится соответствующий приказ по предприятию.

Окрыленный успехом, я пришел к Наталье Анатольевне и сказал, что отпуск начнется в первой декаде сентября.

— Вот видите, Анатолий Сергеевич, — прокомментировала она, — звезды вам благоволят. Иначе Винни-Пух (такое прозвище было у начальника станции, человека весьма тучного) ни за что бы не подписал записку. Когда все происходит легко, это добрый знак. Сейчас позвоню шаману.

Через полмесяца я отправился на Алтай.

Мне нравится ездить ночью: дорога практически пустая, и приезжаешь утром — весь день впереди. В качестве компаньона взял с собой бывшую жену, Свету, которую случайно встретил за пару месяцев до путешествия.

Несмотря на то что мы жили в одном крошечном микрорайоне, пересекались не чаще, чем раз в пять лет. Наверное, топология пространства-времени имела замысловатую форму.

Света была человеком неординарным, творческим, одним словом, художницей. Говорили, что она талантлива. Я ничего не понимаю в живописи, поэтому не могу судить, так это или нет. Одно время она работала в институте археологии, потом ушла на вольные хлеба. Оказалось, что свобода оплачивается выше, чем ставка иллюстратора. Света была донельзя обрадована тем, что нашла в себе силы уйти с работы, которую ненавидела всем сердцем, тем более что это выстраданное решение к тому же наполнило кошелек.

Бывшая супруга поведала, что у нее проблема амурного характера: она полюбила человека, который не верит в ее нежные чувства, считая, что Света хочет его затащить в постель, чтобы потом стричь купоны. Когда женщины говорят о любви, я делю их слова на сорок восемь, поскольку жизненный опыт утверждает, что они, ничуть не тушуясь, пользуются словами любви для достижения корыстных целей. В данном случае я поверил бывшей супруге, поскольку нежные чувства были направлены на постороннее лицо.

Бывшая жена была человеком, рассматривающим жизнь сквозь призму эзотерики. В ее речи частенько проскальзывали слова

«экзистенция», «метафизика», «эгрегория», «место силы», «энергия», «кундалини», «медитация». Ездить на Алтай любила, потому что, по ее словам, там заряжалась энергией, которой хватало на год.

В конце встречи мы обменялись телефонами и распрощались.

За три дня до отъезда я вспомнил, что бывшая жена не прочь съездить на Алтай, и предложил составить компанию. Она с радостью согласилась.

В начале десятого мы уже были в Чемале. Я поставил машину на стоянку и набрал номер шамана. После восьмого гудка нажал отбой.

— Может, рано еще, — предположил я. — Подождем.

Я откинул спинку сидения и приготовился вздремнуть, как зазвонил телефон.

— Здравствуйте, Анатолий, — приветствовал меня шаман. — Вы уже приехали?

— Здравствуйте, Григорий Никандрович, — ответил я. — Да, приехали. Находимся в Чемале, возле магазина «Мария-Ра».

— Тогда вам нужно вернуться, — сказал он. — Чуть дальше церкви увидите пешеходный переход с дорожными знаками. Сразу после него стоит дом за деревянным забором, выкрашенным коричневой краской. Это мой дом. Там и жду вас.

— Через пару минут подъедем, — ответил я.

Григорий Никандрович оказался этническим алтайцем. Среднего роста, с короткой стрижкой. Волосы его были черными, как смоль, но уже начали седеть. Он слегка потряхивал головой, как человек, который всю жизнь проработал на производстве марганца. Взгляд его черных глаз был внимательным, даже пронзительным, и вместе с тем равнодушным-безжалостным, отстраненным.

Он усадил нас на деревянную лавку, вкопанную возле избы.

— С чем приехали? — спросил он.

Я кратко рассказал о своей проблеме.

— А ты? — спросил он бывшую жену.

Света в нескольких словах объяснила ситуацию.

— Понятно, — сказал шаман и закурил. — Здесь вас лечить не могу. Дело не одного дня. Поедете ко мне в тайгу. Раньше бывали на Алтае?

Я ответил, что да, бывал.

— Дорогу до Кююса знаете?

— Да.

— После Еланды через сорок километров будет арочный мост. Переедете на тот берег, и еще двенадцать километров до Ороктоя. От Ороктоя еще три километра. Увидите лесопилку. Вам туда и надо. Мимо не проедете, там дорога одна.

— Едем за Еланду, проезжаем Бийку, затем по арочному мосту? — уточнил я.

— Точно так.

— Потом через Ороктой до лесопилки?

— Верно. Я позвоню, скажу, чтобы вас встретили. Там будет Татьяна. Обратитесь к ней. Лечение стоит тысячу за сеанс. Жилье — пятьсот рублей в сутки. Я приеду вечером.

— Там есть где приготовить еду?

— Да.

— Магазин в Ороктое есть?

— Есть, но лучше продукты купить в Чемале. Удачи!

* * *

Вернувшись домой к родителям, я болтался без дела полгода: выпивал, общался со всяким отребьем, хорошо хоть в уголовщину не ввязался — тогда было плавать на свою жизнь.

Потом взял себя в руки и устроился на работу.

Наступило лето. Я поступил в институт, на заочный факультет. Работал и вечерами ездил на учебу.

Так прошел еще один год.

Весной я встретил будущую жену. Наши отношения были обречены с самого начала: как только стали встречаться, запустилась программа отложенного наказания. Мозг не допускал возможность счастливого развития отношений. Но за время, которое длился наш роман, успели пожениться. Хорошо, что хватило ума не сделать детей.

Через два года перегорело все, что было. Мы расстались спокойно. Посмотрели на остывшие угли и разошлись в разные стороны.

Дальше жизнь потекла без душевных потрясений. Мне стало безразлично, встречу ли я когда-нибудь девушку из моих снов. Дело в том, что мне стала сниться девушка. Каждый раз внешность у нее менялась, но я знал, что это один и тот же человек. Чувствовал сердцем. Во сне мы встречались и шли гулять по городу. Иногда держались за руки, иногда нет. И за все время не сказали друг другу ни одного слова. Эти сны снились около года, а потом прекратились так же внезапно, как и начались.

У меня случались кратковременные романы, но ни одну из ночевавших в моей постели женщин я не любил. Вероятно, они чувствовали мое равнодушие, потому что ни одна из них не задержалась более чем на два месяца.

Я давно забыл ту, первую девушку, из-за разрыва с которой и начались отложенные наказания. После окончания университета она вернулась в город

(откуда мы оба были родом), и я иногда видел ее. Издалека. Ни разу я не сделал попытки походить к ней, а она — ко мне. Да и зачем? Наш общий знакомый как-то сказал, что ей не везет в личной жизни, что она опять осталась одна и воспитывает двоих детей. Однажды я встретил ее в поликлинике (это случилось, когда у меня родился сын), куда она пришла со своим младшеньким. Мы сидели на скамейках в коридоре и молча смотрели друг другу в глаза. Потом подошла моя очередь, я взял сына на руки и зашел в кабинет. Когда мы вышли, ее уже не было. После этого случая больше не видел ее никогда.

4

Через полтора часа мы приехали на место. Когда Григорий Никандрович сказал о лесопилке в тайге, я представил себе вековые сосны, бурелом, густой темный бор, в котором что ни день случаются чудеса и в котором запросто можно встретить кикимору, стоит хоть на шаг сойти с тропинки. В глухой чаще, на живописной полянке, непонятно как оказавшейся в дремучем лесу, стоит огромный сруб с маленькими окнами, затянутыми бычьими пузырями. По краю полянки протекает веселый быстрый ручей, который вращает колесо, приводящее в движение циркулярную пилу. Дюжие молодцы в косоворотках ухают тяжелыми топорами, очищая лесины. Звон идет по всей тайге, и добродушные звери приносят неумолимым работникам на обед соленые грузди в сметане и компот из лесных ягод.

На деле лесопилка выглядела совершенно по-другому. На небольшом холме, прилепившем-

ся к южному склону одинокой горы, стояло в ряд несколько аилов, построенных из кругляка. Шестиугольные крыши аилов были сколочены из обрезных досок, покрывал крыши бронированный рубероид. Между аилами находились хозяйственные постройки, сделанные из бруса. Солнце успело покрыть, словно морилкой, вечным темно-коричневым загаром стены построек. Крайним строением слева была баня с пристройкой наверху. Напротив строений, метрах в пятнадцати, на ровной площадке, находившейся ниже аилов метра на три, была хибара, в которой располагалась металлическая рама с циркулярной пилой, стоящей на сделанных из уголка рельсах. Рядом с хибарой торчал столб, провода от которого шли к небольшому понижающему трансформатору, а от трансформатора тянулась воздушка к постройкам.

Дверь крайнего слева аила выходила на веранду, посреди которой стоял стол. Рядом со столом находился продавленный топчан с удобством устроившимся на нем кошачьим семейством. В углу веранды лежала игрушка, огромный черный медведь с глазами из пуговиц. Возле стола стояли вразной красные пластмассовые кресла из летнего кафе, хорошо сохранившиеся деревянные лакированные стулья, принесенные неизвестным ветром из советских времен, и кресло-качалка, на сиденье которого была наброшена овчина. На столе, застланном ситцевой скатертью, стояла обрезанная пластиковая бутылка с букетом полевых цветов.

Мы подъехали к веранде и не успели выйти из машины, как из аила на веранду вышла женщина лет тридцати пяти — сорока. Она

остановилась возле двери и прикрыла глаза ладонью, чтобы лучше рассмотреть гостей.

Мы поднялись на веранду и поздоровались. Женщина улыбнулась в ответ и сказала:

— Доброе утро!

Глаза у нее были серо-зелеными, болотного оттенка, взгляд — отстраненным, ожидающим.

— Вы Татьяна?

— Да. Вы Анатолий?

Я кивнул головой.

— А вы Светлана?

— Да.

— Григорий Никандрович предупредил о вашем приезде. Я устрою вас над баней. Ночи сейчас холодные, а там через помещение дымовая труба проходит. Баню каждый день топим, так что не замерзнете. Идите наверх, я постельное белье возьму и приду.

Мы поднялись по крутой лестнице в пристройку. Комната была приличных размеров, чистая, светлая и пахла свежими опилками. Возле стен стояли четыре добротные сделанные деревянные кровати. На одной из них, возле входа, были навалена гора мягких детских игрушек.

Татьяна поднялась наверх и спросила:

— Вам стелить вместе?

Мы переглянулись.

— Нет, отдельно.

— Разве вы не муж и жена?

— Муж и жена, только бывшие.

Сейчас просто товарищи.

Татьяна больше ничего не сказала и быстро застелила две кровати возле окна.

— Отдохните с дороги, — предложила она и вышла.

Мы так и сделали. Завалились на кровати, но сон не шел: видимо, сильно притомились с дороги. Иногда так бывает от усталости — голова не работает, тело не слушается, и кажется, что,

как только ляжешь, сразу провалишься в сон. Закрываешь глаза, а сон не идет. Мерещатся какие-то красно-желтые пятна и мешают засыпать. Несмотря на то что лежишь неподвижно, внутри тела продолжается вязкое, замедленное движение. Будто вращается огромный маховик, который никак не может остановиться. Полуосознанные мысли бесконечной вереницей бегут по кругу, протаптывая тропинки и ломая сучья в дебрях мозга.

Через час я решил, что больше нет смысла валяться, и встал. Я ни минуты не вздремнул, однако чувствовал себя отдохнувшим. Затем спустился к машине, достал беляш, который купил в Сростках, и съел. Утолив голод, решил обследовать местность, в которой довелось оказаться.

Проселочная дорога, по которой мы приехали, не заканчивалась в окрестностях лесопилки, а проходила по ее территории и шла дальше. Я решил прогуляться и пошел по дороге. Вскоре, перепрыгивая с камня на камень, миновал небольшую — метра три шириной — и мелкую речушку: дорога пересекала ее. Она весело журчала по каменистому ложу, и солнце отражалось в ее водах, разбиваясь на тысячу разноцветных бликов. К одинокому валуну, покоившемуся в паре шагов от воды, был прикреплен кусок картона, на котором шариковой ручкой было нацарапано слово «пещеры» и нарисована стрелка, видимо, в сторону пещер, поскольку дорога, миновав речушку, раздваивалась. От развилки одна дорога устремлялась вверх, на альпийские луга, вторая шла вдоль речушки и пропадала за отрогом горы, поросшим дикой коноплей. Я зачерпнул в ладони

воду из ручья и сделал несколько глотков — вода была такой легкой, — что заломило зубы, и наверняка вкусной. Я прогулялся вдоль течения до поворота и, обогнув его, увидел, что речушка пропадает в зарослях кустарника, который тянется сплошной стеной до густого соснового леса, растущего в распаде между горами.

Так вот почему шаман говорил о тайге!

С лесопилки тайги не было видно: ее закрывала гора, у подножия которой располагался лагерь шамана. Как только я осознал этот факт, мне почему-то в голову пришла мысль о японском саде девяти камней: из любой точки сада можно увидеть только восемь камней, а девятый всегда оказывается вне досягаемости глаз.

Я вернулся на лесопилку, когда только начало вечереть. В горах смеркается быстро. Луна еще не взошла, поэтому я решил, что лучше повернуть назад к лагерю, пока не стемнело.

На веранде сидели Григорий Никандрович, Татьяна, бывшая жена и двое мужчин. Одного звали Андрей, другого — Евгений, они работали на лесопилке. Во время нашего приезда их не было: уезжали по делам в Чемал и вернулись назад вместе с шаманом. Вся компания ела картошку с копченой кониной. На лавке, вкопанной возле аила, стояли два здоровых закопченных казана: один с вареной картошкой, в другом была остро пахнущая дымом конина. На столе также стоял светло-желтый пузатый эмалированный чайник с плоским дном, похищенный лет этак сорок назад из какого-нибудь детского садика либо заводской столовой. Я прекрасно помню такие чайники: ког-

да я был в яслях, из них наливали то компот из сухофруктов, то какао с молоком, то светленький сладкий чай.

Григорий Никандрович посмотрел на меня, но ничего не сказал. Я пожелал всем приятного аппетита и зашел в аил, чтобы достать из холодильника купленные в Чемале продукты и поесть. Закусив, вышел на веранду. Все уже разбрелись кто куда, остались лишь шаман и Светлана. Григорий Никандрович подозревал меня и сказал:

— Сейчас сходите в баню, помойтесь с дороги, а потом ложитесь спать. Я буду вас лечить. Своим уже сказал, что первыми в баню пойдете вы. Она уже протоплена, так что идите.

И, откинувшись в кресле-качалке, он с удовольствием закурил, выпустив из ноздрей гигантское облако дыма.

Мы поднялись в комнату, взяли смену белья, полотенца и мыло. Первой в баню пошла Света, а я присел на лавку и стал смотреть, как из-за лежащих вдали изломанных вершин восходит молочно-белая луна с нечеткими следами бывших морей на круглом лице. Я сидел в тени от навеса веранды, защищавшего глаза от света фонаря, освещающего территорию лесопилки, и мог вдоволь любоваться полночной красавицей. Она, словно рисуясь предо мною, кокетливо сияла в ночной тиши, и я наслаждался ее серебристым, волнующим и будоражающим кровь блеском. Что-то древнее, дикое, необузданное будил безумный блеск луны. Мне хотелось завывать, задрав голову, и, обратившись в огромного хищного зверя, скакать по горам, наслаждаясь силою лап...

Чтобы обуздать порыв, я достал из кармана захваченный нароч-

но варган и начал играть. Пение язычка струнуло залитый безумным светом мир с насиженного места: он перестал быть четким, уныло предсказуемым, математически денежным, пустым, холодным, и ожил, превратившись в текущего, струящегося, колеблющегося, словно пламя свечи, дракона, держащего в пасти переливающийся шарик Вселенной.

— Наблюдаешь за драконом? — Голос шамана вернул меня в действительность.

Мне показалось, что тело распалось на мириады частиц, которые, пройдя сквозь полупроницаемую преграду, вновь собрались вместе, и я мгновенно приземлился на лавке, будто только что прибыл из космического путешествия.

— Ага, — как ни в чем не бывало ответил я.

Григорий Никандрович затаился, и, глядя на луну, спросил:

— Какого цвета дракон?

— Красного, — ответил я.

Он сквозь зубы пробормотал какую-то ахиною: «Сегодня четырнадцатый день... четный... да, красный в силе...»

— В какую сторону указывает хвост дракона? — спросил шаман и бросил окуроч на землю.

— На запад, — ответил я.

Он дико глянул на меня и как-то сразу потерял интерес к разговору. Хрустнул суставами и пошел в аил.

— Иди в баню, Света уже закончила, — на прощанье бросил шаман таким тоном, будто я только-только обидел его до глубины души, и зашел внутрь, скрипнув дверью.

После бани я, распаренный и довольный, поднялся наверх. И не успел коснуться головой подушки, как провалился в глубокий без сновидений сон.

Проснувшись, я увидел, что комната залита светом (окно выходило на южную сторону), и, выглянув, обнаружил, что солнце стоит высоко, а в животе рычат дикие звери. Я бросил взгляд на часы: девять. Получается, что проспал более одиннадцати часов кряду! Лет двадцать назад я еще был способен на подобный героизм без негативных последствий для организма. В последнее время мне удавалось поспать максимум шесть часов подряд. Если спал меньше шести часов в сутки, появлялся недосып. Хронический недосып приводил к апатии, потере аппетита, раздражительности и, как следствие, приступам гнева. Если спал шесть часов, но потом, позавтракав, ложился снова (когда случалась суббота или воскресенье) и мне удавалось уснуть еще на час-полтора, чувствовал себя весь день разбитым. Зная реакцию организма на недосып-пересып, я старался укладываться в норму, но, разумеется, это не всегда удавалось, что и приводило к плохому самочувствию.

Сегодня я чувствовал себя отлично. Неизвестно, что повлияло на хорошее самочувствие: то ли отсутствие городского шума, то ли отсутствие большого скопления людей, подавляющих разум ядовитыми миазмами тяжелых мыслей, то ли ночное лечение шамана, то ли все вышеперечисленные факторы, вместе взятые, но настроение было превосходным. Впервые за несколько месяцев по пробуждении не возникло мыслей о N — человеке, из-за которого, собственно, я и оказался здесь. Я нарочно заставил ум подумать о N, но тот не подчинился. Это настолько обрадовало, что я вскочил с постели, быстро

оделся и спустился вниз перекусить.

Местные жители еще спали. По крайней мере, их нигде не было видно. Я позавтракал на скорую руку бутербродами с колбасой и сметаной и пошел в горы. Перед выездом я купил новые кроссовки, и теперь надел их, чтобы опробовать в деле.

Гора, у подножия которой находилась лесопилка, приглянулась сразу, как только мы приехали, и я решил взобраться на ее вершину. Положил в рюкзак полуторалитровую бутылку с водой, несколько полиэтиленовых мешков под лекарственные растения и отправился вверх по тропинке, промытой тающим снегом и дождями.

Солнце прошло одну шестую своего дневного пути, когда я наконец взобрался на вершину. Встав на высшую точку горы (это был обломок скалы, невесть как оказавшийся здесь: по он виду был чужд тому месту — весь в волнистых зазубринах, словно карикатурный пиратский тесак, его сбросили сюда, на вершину, игравшие когда-то за облаками боги), осмотрелся. Великолепие гор закружило голову, наполнило грудь восторгом, и я прокричал:

— С миром прощаю и отпускаю тебя!

И как только я выкрикнул эту фразу, раздалось громкое блеяние.

Северный склон горы был пологим, заросшим сосняком, лиственницами и диким кустарником. Овцы присмотрели его значительно раньше меня и мирно паслись невдалеке, а одна из них, услышав мое пожелание, ответила разом за всех. Да, мир ответил блеянием, и я был рад. Мое прощение принято к исполнению! Абонемент прощения был

по всем правилам зарегистрирован в Республике Горный Алтай, что и было задокументировано на седьмой хрустальной сфере, ибо там находится небесная канцелярия, и в качестве подтверждения был подан сигнал через пасущуюся поблизости овцу.

Начало моему неврозу было положено сменой руководства и бардаком, который вследствие этого наступил. Начало депрессии — расставанием. В расставании были виноваты оба. Я ее простил и громко сказал об этом всему миру. Это была завершающая, жирная, громкая точка, оптимистичный финал счастливых, но, к сожалению, недолго длившихся отношений.

Много месяцев я шел к этим словам. Они дались нелегко. Гордость и высокомерие — главные враги прощения, свили в душе удобное, комфортное гнездо, и прогнать их прочь было очень тяжело. Взобравшись на вершину, я вдруг почувствовал, что настал момент, когда враги отступили. Все, пора в атаку!

И я выкрикнул слова прощения.

Я смотрел вниз, на речушку, протекавшую мимо лесопилки, сверху казавшуюся не более следа от шариковой ручки, оставленного размашистым росчерком на листе бумаги. Она сверкала, словно униженная бриллиантами нить. Краем глаза я заметил слева быструю тень. Это оказался коршун, парящий в восходящих потоках напитанного ароматом горных трав воздуха. Первый раз в жизни я наблюдал за полетом коршуна сверху вниз. Он делал широкие круги, постепенно забирая к юго-западу, и через несколько минут исчез, слившись с пестротой находящихся вдали гор.

Я выпил немного воды. Затем разделся донага, постелил ложе

из снятой одежды и лег на землю. Поляжил бейсболку на глаза, чтобы солнце не слепило их. В спину упирались мелкие камешки, и я заворочался, пытаюсь устроиться удобнее. Наконец мне это удалось. Я раскинул руки и начал дышать. Раз, два, три — вдох; раз, два, три, четыре, — выдох. Вскоре сознание стало потихоньку отключаться: начали мерещиться красно-черные тени, скручивающиеся в гигантскую спираль...

И я заснул.

* * *

Второй раз отложенное наказание привело механизм разрушения в действие совершенно на ровном месте. У меня был краткий роман с замужней женщиной. Замужем она была весьма условно: муж был военным, и часть, в которой он служил, время от времени переводили из гарнизона в гарнизон. Однажды любовница решила, что больше не хочет жить на чемоданах, и вернулась домой. По крайней мере, такой была официальная версия ее возвращения, которой она делилась со всеми подряд. Когда пассия рассказывала о возвращении в отчий дом, то казалось, что она на всякий случай готовит себе алиби. В знаменателе у нее были двое детей и пагубная страсть к алкоголю. Даже работу любовница подыскала такую, на которой можно было безнаказанно выпивать. Об отношениях здесь вообще речи не шло — переспали и разбежались. Но чем-то она меня зацепила, и я привязался к ней. Наверное, внешностью, поскольку она была писаной красавицей: прозрачная матовая кожа, правильные черты лица, чуть вздернутый носик, черные, как смоль, длинные волосы,

карие с искоркой глаза. К сожалению, она годилась только для секса, общения как такового не было: то, что выходило у нее изо рта, было либо безграмотным пересказом телевизионных программ, либо штампованными фразеологизмами, какие употребляет пьющая молодежь. Я прекрасно понимал, что нам нужно расстаться, но оттягивал этот момент.

Отношения (если то, что между нами было, можно назвать отношениями) закончились в одно мгновение. Я догадывался, что у нее есть еще несколько бойфрендов. Меня это не волновало, поскольку мы практиковали безопасный секс и я не опасался за свое здоровье. Я позвонил ей, и трубку взял пьяный мужчина. Сказал, что ее нет. И добавил, что нечего сюда звонить, она не хочет меня видеть.

Позже ее подруга рассказала, что бывшая любовница познакомилась с таксистом, и это он тогда ответил на звонок. Добавила, что теперь пассия пользуется таксистом вовсю: у нее появилось бесплатное, к тому же безотказное средство передвижения.

Потом подруга рассказала, каким образом таксист завоевал сердце соломенной вдовы офицера.

— Знаешь, как он матом классно ругается! Трехэтажно загибает! — передала подруга восторженные слова моей бывшей любовницы.

Она зорко смотрела мне в глаза, чтобы понять, причинили ли ее слова боль: женщины частенько наслаждаются подобными моментами.

Да, мне было больно, но после ее слов боль ушла, осталось лишь недоумение, перешедшее в презрение. Классно матом ругается? Трехэтажно загибает? И это все? И этого достаточно, чтобы

ты раздвинула ноги? Не очень-то высокую планку ставишь. Этак каждый второй половозрелый горожанин сможет добиться тебя. Впрочем, это твое дело, личное.

И я попытался выкинуть ее из головы.

К сожалению, сделать это не удалось. словно нарочно, она стала названивать мне. Поначалу я объяснял, что больше не хочу встречаться, а когда она спрашивала почему, клал трубку. Позже вообще перестал отвечать на ее звонки. Тогда она стала заваливать меня СМС-сообщениями. В конце концов я согласился встретиться: мне все-таки нравилось заниматься с ней сексом.

Через неделю я позвонил ей. Она сказала, что мне нужно забыть ее, что наша последняя встреча была ошибкой, что я никогда ей не нравился, что она совершенно равнодушна ко мне.

Позже я понял, что женское самлюбие не может перенести тот факт, что их, таких красивых, таких замечательных, таких милых, таких сексуальных, могут бросить. Причем по их же вине. И женская психика ищет выход из сложившейся ситуации. Нужно сделать так, чтобы я его бросила, придумывает изощренный женский мозг. Тогда самооценка не страдает. Заодно и отомщу мерзавцу. Как он только посмел так со мной поступить!

Простодушные мужчины верят, что женщины осознали свои ошибки и каются в них. Какая наивность! Месть, и ничего более.

Шаблонный ход бывшей пассии (несмотря на то что я призвал на защиту всю свою логику и весь свой юмор) запустил механизм отложенного наказания. Началась депрессия. Лето и осень пролетели мимо, а я даже не заметил ни тропической жары, ни пожелтевших листьев, ни оголившегося

неба, ни улетающих на юг птиц, ни занудных октябрьских дождей. Очнулся, когда снега намело уже столько, что, ступив мимо тропинки, проваливался выше колена в мокрый холод. Белое пушистое одеяло тихо, незаметно похоронило печаль, и, проснувшись однажды утром, понял, что депрессия покинула меня, не оставив в душе ни следа.

Сначала я не поверил в столь чудесное событие. Как так, да разве такое может быть? Депрессия была перманентным состоянием, таким же неизбежным фактом существования, как смерть или налоги. Я попытался вспомнить те навязчивые, вызывающие отвращение из-за бесконечного повторения мысли, которые своим присутствием вновь и вновь запускали депрессию, загоняющую рассудок в мрачные дебри безнадежного будущего, но они исчезли, словно их и не бывало. Я был ошарашен, но где-то в глубине по стенам монашеской кельи, в которую была заключена душа, скользнул лучик надежды. Я пошел в душ и принимал его значительно дольше обычного, потому что ни одной депрессивной мысли не возникло в мозгу, и, направив на тело тугие струи воды, я просто наслаждался тем, что горячая вода вымывает остатки сна. У меня словно свалились шоры с глаз, и я увидел, что зеркало в ванной грязное и его нужно протереть, что одна из четырех лампочек не горит, а туалетная бумага вот-вот закончится.

То, что я стал замечать простые вещи, так обрадовало, что я наконец поверил в то, что депрессия ушла, и, впервые за несколько месяцев, пришел на работу в добром расположении духа.

Продолжение следует.
г. Новосибирск